

18+

СИНИЕ БРЫЗГИ

НАТАЛЬЯ ЕЛГИНА

Наталья Елгина

Синие брызги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51848127

ISBN 9785449854681

Аннотация

Саша всегда хотела влюбиться. По-настоящему. Так, чтобы захлеб, до головокружения. Как рассказывалось во всех этих книжках родительской библиотеки. Но ее планы на сильные чувства разрушила случайная связь и незапланированная беременность. Она была уверена, что поспешный брак поставил крест на ее мечтах, пока однажды в автобусе не встретила одного молодого человека, в которого по неосторожности влюбилась. Именно так, как всегда хотела...

Синие брызги

Наталья Елгина

© Наталья Елгина, 2020

ISBN 978-5-4498-5468-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Я всегда хотела влюбиться. По – настоящему. Испытать, что это такое. В детстве я видела много фильмов, которые считала для себя образцом для подражания. Как правило, в них главные герои совершали какие-то подвиги, чтобы преодолев бесконечные трудности, в конечном итоге оказаться вместе. Я была ребенком своего времени, и мои фантазии подпитывали бразильские сериалы, появившихся вдруг на экранах наших телевизоров. Вся страна тогда с придыханием, ровно в семь вечера замирала в ожидании очередной серии. Я росла, но чуда не происходило. Мальчики, потом мужчины, мне, конечно, нравились, но все это было не то. Ничего такого, о чем рассказывалось в фильмах и книгах.

Первая попытка влюбиться случилась со мной в пять лет. Тогда впервые в поле моего зрения подвернулся достойный меня вариант. В то время я уже целую неделю гостила у ба-

бушки в деревне, отъедаясь двухслойными оладьями, парным молоком и медом. К этому моменту мне уже надоело делать мини – кукол из цветков мальвы, что росла возле забора и делать прически принцессам побольше, головы которых представляли собой одуванчики с волосами из стебля. Стебель полагалось разделить на тонкие полоски и опустить в воду – тогда они самым волшебным образом закручивались в тугие кудри. Испытания проходили успешно, но я уже довольно долго занималась своими экспериментами, поэтому, подбадриваемая бабушкой, отправилась изучать местность. И тогда я познакомилась с ним – своим соседом. Он был моим ровесником, тоже приехал к бабушке и тоже скучал. Мы вместе неплохо развлеклись – он показал мне, где находится конюшня, коровник, тарзанка на речке и рассказал, что видел, как дед, живущий на окраине, по ночам ходит в соседнюю деревню и постоянно, каждую ночь, таскает домой огромные мешки с чем-то тяжелым. Воображение рисовало нам страшное – ясное дело, он воровал детей и продавал их потом цыганам. Но сначала он очень долго держал их у себя в подвале, моря голодом и пытая огромными железными ножами и прутьями. Для чего он это делал – никому было неизвестно, но по ночам из его дома совершенно точно доносились жуткие стоны и крики. А еще, у него не было одного глаза, и его лицо рассекал большой розовый шрам на щеке. Откуда мой пятилетний сосед все это знал, я не уточняла, но абсолютно верила каждому его слову, трясясь от ужаса,

живо представляя себе все эти кровавые сцены насилия с замученными детьми. В общем, лето у меня получилось замечательным – в детском саду я всем рассказывала, что влюбилась, а потом, через два года мы опять встретились. Но в этот раз он довольно быстро перешел в разряд придурков, после того, как предложил посмотреть друг на друга без трусов.

Следующая моя влюбленность произошла со мной в пятом классе. Я тогда разрывалась между двумя, нравившимися мне мальчиками. У одного из них был потрясающий профиль с идеальным носом. Он сидел в соседнем ряду, и я частенько засматривалась на него, делая вид, что общаюсь со своей одноклассницей, сидящей с ним рядом. Повезло же! С учетом того, что свой нос я считала досадной ошибкой природы, с его высокой спинкой и невнятным окончанием, его правильные черты я считала совершенством. Если с волосами, глазами и губами дела у меня обстояли еще куда ни шло, то вот с носом мне точно не повезло. Тот мальчик был всегда очень серьезным, сидел очень прямо, учился хорошо, и у него всегда была очень аккуратная прическа – небольшая, тщательно уложенная волна пепельных волос.

Другой, метивший на почетное место моего избранника, был совершенной ему противоположностью. Учился плохо, его бледная и, какая-то вечно уставшая мама, постоянно топталась в коридоре возле кабинета директора, и он ежедневно задирали всех вокруг. С ним всегда были проблемы. Он сам был большой проблемой. С его бордовыми синяками, драка-

ми и мелким воровством, которое, как в один голос уверяли взрослые, могло закончиться не мелким, и, как следствие – тюрьмой. Все, находящиеся рядом с ним постоянно плакали, включая нашу классную, и я бы тоже рано или поздно вошла в их число, но однажды мое мнение о нем изменилось.

Для проходившей выставки осенних работ я без спросу взяла из дома вазу. Чешскую, граненую, жутко красивую, дорогую, а главное – дефицитную. Чтобы украсить наш стол с поделками я просто положила ее в портфель и унесла в школу. Конечно, она стала настоящим украшением всего мероприятия. И я была очень счастлива, что сделала такое доброе дело. После окончания выставки я вернула ее обратно в портфель и направилась было к выходу, но тут из моих рук его вырвал мой одноклассник – мелкий задира, из тех, что вроде есть, но их как-то особо не видно, пока они не обратят на себя внимание какими-нибудь нелепыми выходками. Они – эти выходки, тоже были мелкими – масштаба и наглости на что-то покрупнее, с размахом, в них не хватало. Так, между делом, что напомнить всем о своем существовании. И вот он, схватив мой портфель, не успела я глазом моргнуть, со всей дури шмякнул его об стену. Метров так в пяти от меня. Тот звон я не забуду никогда. Мне показалось, что вся моя жизнь теперь совершенно точно закончилась, рассыпавшись на мелкие, дефицитные, чешские кусочки. И в этот момент появился он – Витя Поленов, гроза всех школьников, учителей, родителей, проходя-

щих мимо людей и даже директора. Он увидел, как мои ноги вмерзли в пол, остальные части тела тоже стали деревянными и мгновенно оценив ситуацию, поднял виновника всего этого бардака за шиворот. Он заставил его склеить мне вазу. Заставил его принести из дома специальный клей и собрать все эти осколки в единое целое. В моих глазах он, этот Витя Поленов мгновенно взлетел на небывалую высоту. Теперь я смотрела на него другими глазами. Практически влюбленными. Но в конечном итоге моим чувствам помешала комиссия по делам несовершеннолетних, которая забрала моего временного спасителя (родители все равно потом заметили метаморфозу превращения вазы в собранный конструктор и наказали меня стоянием в углу) и будущую большую любовь далеко, и как оказалось, надолго. А с тем, с прекрасным профилем, тоже не сложилось. Моя несостоявшаяся альтернатива разбилась о толстую черную косу и мелкие черты лица Ленки Алферовой, из параллельного. Он увлекся ею, и напрочь перестал косить на меня глаза, сидя за партой. И конечно, в этом был виноват мой неправильный нос, что же еще.

Попытка номер три произошла значительно позже. В шестнадцать. Когда первая волна гормональной бури немного устаканилась, и я почти перестала травмировать психику своих родителей перепадами настроения. Мы встретились на танцах. Нежно заглядывая мне в глаза, в которых я видела мою вечную, до гроба пылкую любовь, он шептал

мне на ухо то, что всякая адекватная девушка моего возраста мечтала услышать. Что ничего более красивого он в жизни не видел, что он тонет в моих глазах и прочую патетическую чушь. То, что это оказалось действительно чушью, я узнала только после двух месяцев знакомства. Когда я увидела его с компании со своей же подругой. Он также, по тому же сценарию, заглядывал ей в глаза и крепко прижимал к телу. За порогом этого знакомства остались недолгие слезы, потерянная девственность и твердая уверенность в том, что все парни – конченные козлы.

Примерно тогда, на гребне моих переживаний моя мама попыталась объяснить мне, что такое настоящая любовь.

– Ты сама все поймешь. Вот увидишь. Ты не спутаешь это ни с чем. У тебя будет гореть все внутри – до самых кончиков пальцев. Ты вдруг начнешь замечать такие вещи, о которых и не догадывалась. Ты услышишь утренний туман и шепот колокольчиков.

– Услышу?

– Да, именно услышишь.

Я кивнула и успокоилась. И уехала учиться в другой город. С внутренней уверенностью, что вот именно там и произойдет со мной то самое – неповторимое.

Довольно сносно я проучилась четыре года. Бегала, как и все, на танцы, боролась с голодом, быстро проедавая выданные талоны на крупу, сахар и творог. И, научилась, наконец, растягивать свою скромную, не повышенную, стипен-

дию на месяц. Конечно, у меня были редкие и очень непродолжительные знакомства, но все это было не тем. Тем, чего я, в конечном счете, ожидала.

Я потом случилось мое внезапное замужество. Причина банальна – незапланированная беременность.

Какая-то вечеринка, алкоголь, подруги и пара незнакомых мне молодых людей. Дальше – совсем не романтическое свидание, потом еще одно. И вот – непродуманная попытка еще раз узнать свое тело, с минимумом знаний о контрацепции и надеждой на то, что все само – собой образумится. Или на то, что не будет последствий. Или на то, что он окажется умнее меня. А дальше – расставание, и длительное ожидание спасительных месячных, которые так и не пришли. И, в конце – концов, врач. Грубая, суровая тетка, возможно слишком много видевшая на своем веку, чтобы рассыпаться в любезностях, которая равнодушным голосом сообщила мне о том, что я беременна. Пауза, шок. И мучительный период принятия решений. Что делать дальше? Возможно, дело не закончилось бы браком, но консерватизм родителей и собственная несамостоятельность тоже сыграли свою роль. Много было слез, сожалений о собственной глупости и нервных разговоров с родителями. В конце концов, случилось то, по мнению родителей, было самым (ну что тут поделаешь) логичным. Я, со своим незаконченным высшим, мужем – таким же студентом, и ребенком, повисла на шее у родителей.

Я всегда хотела узнать, что такое любовь. Впустить в свою

жизнь утренний туман и шепот колокольчиков. Но, даже перешагнув порог замужества, не почувствовала ее. Я не знала, когда со мной это случится. И случится ли вообще. Я смирилась, не пытаясь анализировать и примерять на себя обстоятельства не случившегося. Но в какой-то момент просто широко открыла глаза. И распахнула дверь в свое сердце. Нараспашку.

1995

1.

Я стояла на остановке, переминаясь с ноги на ногу. Все-таки поездки на общественном транспорте в жару – то еще испытание. Ругая себя последними словами – надо же было вырядиться во все черное, я медленно, но уверенно плавилась от жары. Я чувствовала себя в скафандре, который мне выдали по какому-то нелепому недоразумению. Посмотрев на угол проезжей части – именно оттуда выплывали долгожданные автобусы с троллейбусами, я прищурилась, прикрыв глаза от солнца. Вдалеке показался обнадеживающий полосатый бок. Он медленно, в раскачку, повернул на нашу улицу. У меня вырвался невольный стон. Серьезно? Опять шестнадцатый? Уже пятый автобус подряд! Теперь мне стало абсолютно ясно, почему люди на остановке не расходились – все явно ждали мой тридцать пятый. Закон подлости. Я кинула взгляд на свои красные распухшие ступни, одетые в туфли на каблуках. Господи, как ноги-то болят!

Я только что побывала в гостях у своего старого педа-

гога. Помнится, на первом курсе она поразила меня своей строгостью и невероятным фанатизмом к своему предмету. В первый месяц учебы я, наивно полагаясь на свои способности, поначалу вскользь, мельком пробежала тетрадку перед ее лекциями, чтобы уловить главное, не особенно вдаваясь в детали. Но она оказалась настоящим крепким орешком. Довольно быстро она меня раскусила и обозначила свою жесткую позицию: не знаешь – можешь не приходить. Постепенно, месяц за месяцем, мой страх и трепет, который я испытывала перед ней, сменили другие чувства. Я прониклась ее энтузиазмом и даже полюбила. И ее и предмет. И еще были некоторые моменты, которые вызывали во мне восхищение. Маникюр, всегда безукоризненно выглаженная одежда, неуловимые границы возраста, ореол тайны личной жизни – все вместе постепенно вызвали во мне настоящую привязанность, и даже некоторое почитание. Несмотря на то, что она уже оставила работу, выйдя на пенсию, я очень хотела с ней встретиться, чтобы увидеть ее и сообщить о том, что решила возобновить учебу после своего затянувшегося академического. Но вот только я явно промахнулась с одеждой.

С тоской кинув взгляд на остановку в надежде увидеть место на скамейке, я выдохнула. Все места были не просто заняты, а напоминали улей с пчелами. Вокруг меня уже образовалась настоящая толпа, которая росла с каждой минутой. Я занервничала – еще полчаса и не факт, что у меня получится покорить подножку автобуса с первого раза. Настоящая

рулетка, но мне очень хотелось поскорее оказаться дома.

Я стала потихоньку просачиваться сквозь таких же, как и я потенциальных конкурентов. Потом еще раз посмотрела на дорогу. Что-то похожее на автобус двигалось в моем направлении. Я взмолилась: «Пусть это будет мой, ну пожалуйста, пожалуйста...» Большая оранжевая коробка подъехала ближе и, я узнала номер. Ну, слава Богу! Мощным потоком меня понесло к раскрывшейся двери. Не успели предыдущие узники вырваться из плена, как все мы дружно двинулись на амбразуру. Сплоченная толпа облепила автобус со всех сторон. Пытаясь оказаться в рядах счастливиц, я мелкими шажками двинулась в самую гущу. Проявив немного терпения и не дюжую сноровку, я оказалась внутри. Все, можно было выдохнуть. Теперь оставалось найти точку опоры – схватиться за поручень. Через минуту я уже опять могла себя поздравить. У меня получилась вполне устойчивая позиция гимнаста на брусках. Теперь со всеми этими людьми и автобусом мы составляли единое целое – сиамские близнецы со множеством лиц. Как герои полноценного экшена – в самом эпицентре континентального разлома в наглухо закрытом железном ящике.

Мы тронулись, и я до корней волос прочувствовала всю прелесть общественного транспорта в такую погоду. Теперь я точно знала, как поступают с грешниками в аду – их просто набивают в автобус под завязку в жару минимум градусов сорок, без кондиционера и открытых окон и катают до бес-

конечности. И, естественно, водитель на службе у самого, едет как можно медленнее и в сговоре со всеми светофорами. Чтобы красный, красный, красный. Такой себе рядовой маршрут шестьсот шестьдесят шесть.

– Девушка, вы на следующей выходите? Если нет, давайте поменяемся!

– Да, конечно.

Я обменялась неловкими па с женщиной со свекольно-красным лицом, и передо мной, лицом к лицу появилась новая жертва близко-автобусных отношений.

Глаза уткнулись в серую футболку, в пятна пота у шеи и загорелые руки. Странно, запаха пота я совсем не почувствовала, на меня повеяло даже какой-то свежестью. Принюхалась, что ли? Боковым зрением я заметила, что мой ближайший попутчик сверлит меня глазами. Я занервничала – все вроде бы знают про периферическое зрение. Должен ведь догадаться, что я понимаю, что он меня разглядывает. Тем более так близко! Я знала один маневр – вернуть взгляд тому, кто на меня смотрит, обычно при таком прямом контакте люди быстро отводят глаза. Раз, два, три... Ого! Вот это да! Я почувствовала, что краснею. Я не увидела ничего, кроме ярко-синих глаз и да, мой способ сработал – он тут же их отвел. Но Бог ты мой, вот это я понимаю – чудо природы! Даже Есенин вспомнился, что там было у него про синие брызги?

Автобус с каждой остановкой стал понемногу отпускать своих заложников. В задних рядах освободилось место и мы

с моим попутчиком разошлись в разные стороны – я стала активно пробираться к манящему пристанищу. «Аккуратно», «Да, я вас пропущу!», «Нет, еще не выхожу», «Простите», «Пожалуйста». С максимальной осторожностью обходя людей, я устремилась к своей цели... О, да! Пристроив себя на потертом сиденье, я уперлась коленками куда-то вбок. Благодарные ноги сразу запели свои немые серенады.

Теперь у меня была более выигрышная поза, чтобы осмотреться. Признаюсь, да, это не совсем прилично, но я тоже люблю наблюдать за людьми. Не откровенно рассматривать, а так – по чуть-чуть, вскользь, незаметно. Простое любопытство, а возможно привычка художника – везде отмечать интересные черты, какую-то композицию, свет. Такое вот приобретенное качество, еще со школы. Например, вон та пара – женщина с ребенком, где мама что-то тихо говорит дочке, наклоняясь к уху. Девочке года три, она весело подпрыгивает на коленях у мамы, бесконечно оборачиваясь к ней и тыча всеми пальцами в стекло. Мило. Только у молодой женщины очень отрешенный вид. Просто усталость или нечто большее? Я перевела взгляд на их соседа. Это был мужчина, который тут же прикрыл глаза, как только опустил на сиденье. И его лицо тут же расслабилось. Нет, правда, как будто каждая мышца неожиданно получила срочный приказ об отставке и черты лица сразу стали мягче, спокойнее.

Прямо за ними расположился мой недавний сосед. Он смотрел в окно, и я теперь могла более внимательно его рас-

смотреть. Приятное лицо, не идеальное, но все равно очень располагающее, брюнет, волосы немного выются. И сумасшедшие глаза невероятного синего цвета. Скорее всего, мой ровесник, лет двадцать пять, не больше. Точечные нитки седых волос – возможно, будет полноценная ранняя седина, но не думаю, что это будет его портить. Упс, он смотрит в мою сторону. Что ж, один-один. Теперь моя очередь уставится в окно. Мне захотелось спрятать улыбку, которая внезапно напозла на лицо. Получилось не очень.

Я стала себя успокаивать. Напомнила себе о том, что замужем. Немного помогло.

– Следующая остановка «Технологический институт».

До меня не сразу дошло, что только что объявили мою остановку. Только, когда в голове эхом пронеслось «Технологический институт», я резко подскочила. Ну, вот и все, приехали. Встав возле двери, я взялась за поручень. И зачем я так рано подошла к выходу? Затылком я чувствовала, что тот самый парень продолжает на меня смотреть. Сделав вид, что меня очень интересует большое серое здание за окном, я вытянула шею и напоследок решила еще раз обернуться, чтобы просто убедиться, что ничего себе не придумываю. Итак, последний пас-взгляд в его сторону. Вот черт, действительно смотрит. И улыбается.

Автобус слегка затрясло перед самой остановкой, и двери тяжело сложились в сторону. Я торопливо выпрыгнула на асфальт, чуть не подвернув ногу, и с наслаждением сдела-

ла несколько глубоких вдохов. Да здравствует свобода! Теплый, уже вечерний, ветер прошелся легкими мазками по лицу и заглянул в вырез платья. Фух, до чего же хорошо! Я прошла немного вперед по дороге и остановилась на светофоре. От остановки до дома, где мы с моей подругой снимали квартиру, идти оставалось всего ничего, поэтому, дождавшись зеленого, я, неторопливо двинулась домой, втягивая носом уличные майские ароматы.

– Девушка, можно вас на минуту!

Буквально через пару шагов со мной поравнялся молодой человек. Я удивленно округлила глаза и остановилась – это был тот самый парень из автобуса. Интересно, когда же он успел выскользнуть? Теперь он стоял рядом и улыбался. Волосы немного растрепались, виски стали совсем мокрыми.

– Ваша? – он протянул мне свернутую в трубку тетрадку, одновременно вытирая другой рукой лоб.

Я посмотрела на сверток. Обычная общая тетрадь в простой коричневой обложке.

– Да нет, не моя. Наверное, кто-то другой потерял, – я пожала плечами и продолжила путь к дому. До него оставалось не больше двухсот метров.

– Ну, хорошо, У меня нет больше предлогов, чтобы познакомиться, поэтому я просто пойду рядом, – с самым серьезным видом он присоединился.

– Смешно, – я саркастически скривилась, – Мне недалеко, так что провожать меня не нужно.

– Тогда вы должны мне дать свой номер телефона. Я – Дима, – он скосил на меня глаза и скорчил уморительную гримасу.

Я не смогла сдержать улыбку и повернула голову в сторону.

Почему-то мне не захотелось сейчас вывалить на него информацию о том, что я замужем. Ведь это было бы так просто. Сказать ему, что у меня есть муж, ребенок и все. Он сразу бы прекратил свои вопросы и мгновенно испарился. Так почему мне не захотелось этого сказать? Не знаю. Я не понимала сама себя. Почему я не произнесла самую классическую фразу из всех возможных, которая мгновенно прекратила бы все его вопросы?

– Тогда мне придется обойти все квартиры в этом районе, чтобы все равно узнать, где ты живешь. Или? – он развернул ладонь в мою сторону. Жест подразумевал ожидание ответа.

– Уже на ты? – я ускорила шаг.

– Постой, да подожди, остановись, скажи мне свой номер? – он забежал вперед, стал прямо передо мной и умоляюще сложил руки. – Пожалуйста.

– У меня нет телефона – выдохнула я. В конце концов, в некоторых квартирах на самом деле не было домашних телефонов.

– Хорошо. Тогда давай увидимся завтра. Парк? Или нет. Я подойду в любое время вот прямо туда, – он показал на небольшую детскую площадку напротив дома, – а даль-

ше – куда тебе больше нравится. В шесть? Семь? Восемь?

– Все, мне пора, – я сделала попытку его обойти.

– Давай так. Вот мой телефон – он торопливо выдернул лист из тетрадки, на ходу записывая номер, – и я приду завтра в шесть на эту площадку.

Он протянул мне бумажку и, видя, что я никак не реагирую, взял мою руку, засунул лист в ладонь и сложил пальцы. Потом он остался стоять, а я прибавила шаг. Свернутый клочок с номером жег мне руку. Я шла, совершенно по-дурацки улыбаясь и ища глазами урну. Бред какой-то. Зачем мне это? Естественно, я никуда не пойду. А номер сейчас выкину и все.

Возле моего дома стояла зеленая, заполненная доверху, урна. Я вошла в подъезд и буквально влетела на свой пятый этаж. Записку с номером я положила в сумку.

2.

Из кухни доносились умопомрачительные запахи еды. Боже, как же мне повезло с Катюхой! В ее кулинарные шедевры я влюбилась сразу и навсегда. Возможно, они и не были настоящими шедеврами, но для меня любой человек, умеющий смешивать чудным образом все эти овощи, мясо и специи были настоящими волшебниками. Ну почему у меня не получается готовить?

Сразу после замужества мама снабдила меня большой книгой кулинарных рецептов «От простого к сложному», и, кроме того, тщательно записала мне в красивый синий

блокнот кучу собственных проверенных рецептов на каждый день, но почти все мои попытки готовить проходили по одному сценарию. Я решительно бралась за дело, тщательно вымеряя все пропорции и количество, но в итоге все равно получалось слипшееся месиво непонятно чего и ворох грязной посуды, очистить которую было не самым простым делом. Мой муж стойко хвалил мои старания, а потом со вздохом сам становился к плите. Вершиной моего мастерства оставались только каши да макароны. Иногда – омлеты и разные бутерброды. И то, все эти блюда были заслугой моего ребенка, которого нужно было чем-то кормить после младенческого возраста с его молочными кухнями, готовыми кашами и пюре. Ну и мама, конечно, мне помогала мама, к которой мы частенько приезжали на отдых.

Пока сын рос, моя жизнь проходила рядом с мужем в совершенно чужой мне местности – ему предложили работу в другом городе, когда он, в отличие от меня закончил свой ВУЗ. Потом сыну исполнилось три, и я решила, что и мне пора вернуться к своему образованию. Я мечтала, тоже, наконец, получить свой долгоиграющий, многострадальный диплом. Я отвезла сына, Артема, к маме и вернулась в город своей юности, сняв квартиру напололам с моей давней приятельницей Катей, которую бесконечно ценила как подругу и замечательного повара.

– Пойдем, сейчас паста с морепродуктами будет готова, ты как? Как там Светлана Константиновна? – Катя стояла

в проеме кухне, держа в руках огромную чашку с кофе.

– Сейчас, руки только помою, – с некоторым остервенением я стягивала с себя свое платье-футляр, – Нормально вроде. Но мне кажется, она сдала немного.

– Так, кстати, часто бывает. Пока работают – держаться, стараются, макияж там, прическа, а как на пенсию выходят – все, привет. Грядки и телек – все интересы. Подожди... – соседка схватила дымящуюся кастрюлю со спагетти, чтобы слить воду.

– Ну, вот и я о том же, о, я сейчас слюной захлебнусь – устроившись на стуле, я замороженно смотрела, как Катька смешивает соус со спагетти, – У меня на следующей неделе два зачета и один экзамен. И конь еще не валялся, – я с упованием наматывала пасту на вилку, – а у тебя что?

– У меня послезавтра курсовая и все, перерыв две недели, – Катя посмотрела в свою уже пустую тарелку, – ну нет, больше не буду, хватит, а то ни в один купальник не влезу. Я в ванную, посуду помоешь?

– Угу. Давай, – я задумчиво погладила ручку вилки, глядя, как соседка составляет посуду в раковину. – Знаешь, я сегодня познакомилась с одним парнем...

– И? – Катя перестала греметь посудой и развернулась ко мне.

– Да нет, ничего. Иди в ванную.

– Нет, ну продолжай. И что с ним? Где ты познакомилась?

– В автобусе, вернее на улице.

– С ума сошла? – Катя выразительно закатила глаза – Ты стала знакомиться на улице?

– Да дурь, конечно, но ты бы его видела, у него такие глаза!

– Серьезно?

– Молчу. Просто он так на меня смотрел. Я не помню, чтобы кто-то на меня вот ТАК смотрел. Представляешь, он будет ждать меня завтра здесь. В нашем дворе на детской площадке. Возможно, конечно, что это все ерунда, и он не придет.

– Да он – романтик, – в ее сарказме не было ни капли сочувствия, – На детской площадке!

– А кто сказал, что я пойду?

– Ну, у тебя такой взгляд сейчас, – Катя пересела на стул, – даже интересно.

– Все, иди в ванную. Я пойду маме позвоню. И мне еще посуду мыть.

Мы вместе вышли из кухни и отправились по своим делам – я к телефону, а Катька в ванную. Закрывая дверь, она улыбнулась, – Ты меня пугаешь.

– Я сама себя боюсь.

Мама отчиталась о том, как они проводят с внуком время, задала пару вопросов об учебе и, пожелав спокойной ночи, отключилась.

Позже, моя посуда, у меня не выходила из головы мысль о том, что я хотела бы его еще раз увидеть. Просто увидеть, возможно, погулять и все. Поболтать об учебе, погоде, филь-

мах, музыке, ничего лишнего. Обычный разговор двух обычных молодых людей. Как соседи в купе на дальние расстояния. Хорошо, но почему весь этот внутренний монолог выглядит, как попытка оправдать себя и свой интерес к нему? Как будто я собираюсь совершить какие-то неправильные вещи и заранее готовлю себе плацдарм для маневров совести. Ерунда какая-то. Все, пора спать.

Засыпая, я поймала себя на том, что улыбаюсь. Как глупо.
3.

Утро началось как обычно. Быстро опрокинув чашку растворимой бурды, гордо именуемой индийским кофе, я выскочила на улицу. Солнце с самого утра нещадно палило. И это обещало полноценную жару уже совсем скоро. Благо, на этот раз я вышла подготовленной – на мне были только легкие босоножки, футболка и шорты. Ничего черного. И теплого. И без каблучков. Мозоли были замотаны двумя слоями пластыря, так что я практически вернула себе возможность нормально передвигаться, не корчась от боли при каждом шаге.

Институт находился совсем рядом, поэтому на консультацию я потратила всего час. Следующая была только через два, поэтому я решила забежать к своей старой институтской подруге, что жила через дорогу. Оля была моей подругой еще с тех самых времен, когда я училась вместе со своей группой. До моего академического отпуска. Время открытий, первого опыта и неуправляемых эмоций.

– Да что же это? – я стояла возле нового домофона и пыталась вспомнить код. Или квартиру. Никогда не замечали, что номера квартир своих друзей мы почему-то не помним? Можно сто раз прийти в гости, но так и не запомнить номер. А зачем? Ноги, обычно, приводили сами по заученному маршруту. Тем более еще совсем недавно никаких домофонов здесь и в помине не было. Четыре попытки не увенчались успехом, и я села на скамейку в ожидании движения жильцов.

Люблю это время дня. Люди уже не так спешат. Если ранним утром все включаются в свой собственный бешеный ритм – бежать, успеть, не опоздать, то сейчас, часов в десять, темп жизни становится заметно медленнее. Уже нет такой скорости. Детей всех пристроили в садики и школы, на работу, кто хотел, добрался, а те, кому никуда не нужно, еще отсыпаются. Плюс жара. Необычная майская жара, которая совсем не дала людям подготовиться к лету, добавила неспешности и какой-то пляжной неги обычному буднему дню.

Я практически потеряла надежду на то, что кто-то зайдет или выйдет, как вдруг увидела его. Того самого парня из автобуса, Диму (или как там его зовут). Он шел на довольно приличном расстоянии и видеть меня не мог, если только именно сейчас он не начал бы поворачивать голову в мою сторону. К тому же скамейку, на которой я сидела, немного закрывал куст буйно распустившейся сирени, что было для меня очень кстати. Он шел не один. Рядом с ним, держа его

под руку, шла довольно симпатичная девушка, которой он что-то оживленно рассказывал. Периодически они смеялись. Потом они свернули за забор, который окружал детский сад, и пропали из виду.

Ха-ха. Ну, вот и все. Можно расслабиться. Все правильно. У меня семья, у него отношения с девушкой. Ну и что меня так задевает? Может для него новые знакомства – спорт, разминка перед забегом? Имеет право.

Я встала со скамейки. Говорить мне сейчас совсем ни с кем не хотелось. Краем глаза я отметила, что из подъезда вышли люди. Путь открыт. Но первоначальный план навестить Ольгу, я заменила на прогулку по парку. Времени до консультации оставалось очень мало, к тому же я понимала, что возможно сейчас я буду не самым лучшим собеседником. Настроение стало каким-то не тем.

Я шла по парку и довольно быстро переключилась на то, что видела вокруг.

Весна. Только подумать, как мы зависим от времени года. Я искренне не понимаю, почему многие великие так восторгались осенью. Да, краски меняются, все разрисовано разными буйными оттенками. Красный, багряный, нежно-желтый, глубокий зеленый. Природа пытается выжать из себя максимум. Показать всем. – Эй, вот на что я способна! Но это все показное. Это для тех, кто хочет видеть здесь и сейчас. Ярко – безусловно, много цвета – да, пожалуйста! Но потом же все непременно заканчивается? И остаются только разно-

цветные шуршащие ковры под ногами, зябкие дожди, голые конечности деревьев и восковые шапки туч. Возможно, чтобы забыться, вспомнить ушедшее, напиться и вылить на листья свои потерянные надежды. Не знаю, наверное, в этом прелесть осени.

Весна – она совсем другая. Сначала она – внутри. Кто способен увидеть жизнь, весь ее огромный потенциал в маленькой, нераскрывшейся почке? Сначала земля выдыхает из себя накопившуюся усталость. Пытается очиститься от глубокого сна, потом включает все свои маяки, чтобы показать – да, я готова, во мне куча энергии, я жду вас! Птицы, солнце, дожди – приходите ко мне, умойте, наполните меня. Пусть я пока неказистая, во мне скопилось так много пыли и грязи, но все скоро изменится. И мы, сами того не сознавая, невольно начинаем включаться в этот алгоритм жизни, где смена времени года подает нам свои собственные сигналы. Нам неожиданно хочется стать частью этого состояния – начать что-то новое, вспомнить забытое – старое. Мы становимся созвучны весне, ее жажде жизни.

Я шла по аллее и пыталась включиться в это настроение всеобщего расцвета. Все вокруг блестело и переливалось под цепкими лучами солнца. Листья еще сохраняли свой переходный, нежно-салатовый цвет, а птицы заливались в переполнявшем их, возможно, коротком, периоде любовного соперничества. И это было прекрасно.

Да, я завидовала тому, что со мной так и не случилось.

Все то, что воспламеняет мозг маленькой девочки, которая только начинает отождествлять себя с той самой принцессой из сказки или с той дикой искательницей приключений, про которую прочитала в толстых книжках родительской библиотеки. И, которая, потом сталкивается с реальностью. Э, нет, жизнь – она другая. Во многом – банальная, пресная, обычная, где каждый из нас, стоя в длинной очереди за чем-то ценным, в конце – концов, получает стандартный набор обязательств и правил, а в нагрузку – плакат с огромной надписью, выполненной простыми чернилами: «Да, это твоя жизнь, прими это». Который не рекомендуется упускать из виду. Чтобы лишний раз не расстраиваться. И, наверное, именно в этом кроилась причина какой-то грусти и червоточинки, которая грызла меня после того, как своего нового знакомого я увидела с девушкой.

Дойдя до конца аллеи, я совсем успокоилась и даже повеселела. Да, боже мой, какие знакомства, какие встречи? У меня уже есть свои ценности – ребенок, завоеванные рубежи – мои преодоленные трудности и определенные цели. В чем проблема?

Я прибавила шаг и направилась в институт.

Ближе к вечеру, когда мы с Катей отчитались друг другу о том, как прошел день, я отправилась в душ всеми силами пытаюсь отогнать от себя мысль о том, что возможно через час мой вчерашний знакомый придет к нам во двор. На ту встречу, о которой он говорил. Со мной. Меня спасало толь-

ко то обстоятельство, что наши окна не выходили на площадку, и я не смогла бы увидеть из своих окон ничего, даже если бы очень захотела.

Как только я выключила воду, то услышала настойчивый стук в ванную. За дверью стояла моя Катерина, буквально во всеоружии. Прическа, макияж, новое платье. Я слегка оторопела. Она была не из тех, кто способен собраться за считанные минуты, а тут вдруг такое рвение.

– Ты куда это? – я с удивлением размотала полотенце на голове.

– Значит так. Жду тебя буквально десять минут, и мы уходим.

– Да что случилось?

– Мы идем в бар. Просто расслабимся и потанцуем. У меня повод – я закрыла промежуточные экзамены, и ты идешь со мной. Только давай быстрее.

– Может ты сама? – у меня совсем не было желания куда-то идти.

– Нет, одна я не пойду. И тебе нужна встряска. А то будешь тут сидеть и нагнетать ерунду всякую.

– Нормально все. Ты же видишь, что я никуда не пошла?

– Чтобы ты там не говорила, я боюсь, что ты сейчас напросишься к соседям в гости, чтобы из их окон посмотреть на этого Диму или еще хуже – отправишься на улицу его караулить.

Я засмеялась. В чем-то она была права. Чтобы не зани-

маться самокопанием, мне нужны были люди. Общество. Ну и встряхнуться, тоже не мешало.

– Ок. Подожди, я быстро, – я достала косметичку и включила фен.

– Давай, жду – соседка направилась на кухню.

4.

Мне интересно, кто решил, что вот эта сине-фиолетовая подсветка – самое лучшее освещение для ночных заведений? Все эти мертвенно-белые лица, плавающие вокруг как поплавки. Видимо маркетологи всего света не зря едят свой хлеб и, наверняка знают какой-то секрет, который мне пока недоступен.

Народу было немного – люди вполне вероятно соизмеряли свои силы, чтобы решиться в будний день на такой вот блиц-криг.

– Девушки, вам шампанское с того столика, – официант жестом указал в правый дальний угол, где сидели двое мужчин лет тридцати-тридцати пяти.

– О-о, а ты говоришь! Посмотри, у меня помада не размазалась? – Катя перегнулась через стол и приблизила свое лицо.

– Сделай вот так – я показала ей стандартный жест размазывания помады губами, – а так – все в порядке.

– Мне понравился тот, что постарше, – Катя выгнула спину, расправив и без того прямые плечи.

– Да я не претендую – я пригубила соломинку третьего

коктейля.

Мы уже достаточно размялись и теперь пожинали плоды своего выхода на танцпол. Так почти всегда развивались события в любом баре – немного алкоголя, хорошая музыка и вот уже ты не замечаешь, как становишься частью этой музыки. И только во время перерыва осознаешь, что все это время у сидящих гостей было время, как следует тебя рассмотреть.

Хорошенько выплеснув из себя запасы нерастроченной энергии, мы решили было заказать себе еще пару коктейлей, как нам преподнесли презент.

– А знаешь, я совсем не жалею, что никуда не пошла. Даже посмотреть, пришел он или нет, – я весело мотала ногой, пока моя подруга пыталась вилкой погасить пузырьки в бокале.

– Да-да, ты мне третий раз уже об этом говоришь – довольная результатом взбалтывания, Катя пробовала шампанское, максимально скосив глаза в сторону поклонников в дальнем углу.

– Прости, не помню.

– Да ничего. Ой, смотри, они идут, – соседка поправила прядь волос у лица, что было явным сигналом ее готовности для флирта.

– Я пас. Так что придется тебе одной тут все разруливать.

– За компанию то посидишь?

– Конечно. Но если что – дай мне знать, если решишь про-

должить.

– Само – собой.

Мужчины не произвели на меня впечатления, но чтобы не портить Катьке вечер, я пыталась улыбаться банальным, иногда довольно пошлым шуткам, не показывая явно-го неприятия.

В конце – концов, подруга отправилась в медленное плавание на площадку для танцев со своим новым ухажером, а я сделала вид, что мне срочно нужно в дамскую комнату. Мой незадачливый поклонник немного расстроился, но еще до того времени, как я переступила порог, переключился на красотку за соседним столом.

В женском туалете было довольно много народу, поэтому мне пришлось ждать своей очереди. Девушки всех возрастов поправляли макияж, а я думала о том, что, возможно, всего лишь только возможно, я совершила ошибку, не оставшись дома и не придя в назначенное время на площадку.

Отражение в зеркале меня не обрадовало. Глаза, хоть и не размазанные, были какими-то тусклыми. С таким лицом, подумалось мне, только мелодрамы смотреть, заедая тоску какой-нибудь дико калорийной едой. Добавляла бледности окончательно стершаяся помада.

Я порылась в сумочке в поисках косметики, но вместо нужного тюбика из сумки выпал листок бумаги.

– У вас что-то упало, – я повернулась на голос и подняла смятый клочок. Конечно, номер телефона. Тот самый, кото-

рый должен был исчезнуть еще вчера.

Мои три или четыре выпитых коктейля стали призывать меня к действию. Почему бы и нет? Сейчас позвоню и спрошу, чего ему от меня надо было. Я же ничего не теряю. Сегодня, завтра, послезавтра – все равно ничего не изменится.

Я попросила телефон у бармена и прикрыла себе второе ухо, чтобы хоть что-то слышать. С каждым новым нажатием клавиши, мое сердце начинало стучать все громче и громче. Мне казалось, что не только я его слышу, но и бармен и люди за стойкой и еще половина гостей, несмотря на гремящую музыку.

Пошли гудки. Один, второй, третий... Я уже хотела бросить трубку, как в телефоне раздался голос.

– Алло, слушаю, – голос был женским и довольно молодым. Мама? Девушка?

– Добрый вечер, могу я услышать Диму? – Первые слова я совсем проглотила, и, с какого-то перепугу, у меня открылось не замечаемое раньше, сопрано.

– Да, кто его спрашивает?

Вот к этому я была совершенно не готова. Мало того, что я выжала из себя этот звонок. Случайному знакомому. Или даже нет – совершенно не знакомому человеку, так и еще должна обязательно назвать свое имя какой-то женщине. Представиться.

В этот момент мне остро захотелось только одного – домой. Звонить ему было ошибкой.

– Простите, – положив трубку, я посмотрела на свои руки – костяшки пальцев побелели.

На сегодня с меня хватит. Надеюсь, подруга на меня не обидится.

Выходя из бара, я выкинула бумажку с телефоном.

5.

Утром я с трудом открыла глаза. Задернутые шторы с двух сторон окружали яркие полосы света. Интересно, сколько же сейчас времени?

Обстановка моей комнаты была самой простой. Старый двухстворчатый шкаф, кровать, тумба с телевизором и письменный стол со стулом. Фоном – самые дешевые желто-бежевые обои в дикий розовый цветочек – продукт массовой, набившей всем оскомину, промышленности. Не считая кучи бумаг и набросков на столе можно сказать, что у меня был относительный порядок. Да и с таким минимумом квадратных метров трудно было бы жить в бардаке – просто не хватило бы места для маневров. Через стену, где находилась кухня, засвистел чайник. Так, значит Катя дома. Уже хорошо. Интересно, она сильно обиделась на меня, что я вот так быстро сбежала?

Я попыталась встать – молоточки в голове тут же отбили противную дробь. Вроде бы я не очень-то много выпила – откуда взяться такому похмелью?

Я аккуратно, на цыпочках, вышла из своей комнаты и остановилась в проеме кухни. Катя сидела за столом, глядя

в окно и попивая горячий чай, обеими руками держа свою кружку с надписью «Андрей». Эту кружку ей когда-то подарил ее бывший, с которым она давным-давно и довольно безболезненно рассталась, но кружку Катя все равно оставила – чего добру пропадать?

На мое движение она оторвала взгляд от окна.

– Ты почему мне ничего не сказала? Я тебя там по всем закоулкам и туалетам искала, – голос у нее был если не рассерженный, то слегка раздраженный.

– Прости. Ну, прости меня. Я видела, что у тебя все хорошо с тем парнем – вы вроде так мило танцевали, не хотела обращать на себя внимание. Вдруг бы ты решила, что и тебе нужно со мной уйти? – я молитвенно сложила руки, – И, кстати, ты как?

По лицу соседки скользнула мечтательная улыбка.

– У меня все отлично. Короче, если ты помнишь, его зовут Алексей, работает в какой-то транспортной конторе, не знаю чем он там занимается, не водитель – это точно, по-моему, он там кто-то вроде небольшого начальника или что-то в этом роде. Они вчера с друзьями отмечали заключение какого-то удачного договора, ну и вот. Он меня проводил и все. Сегодня обещал заехать, – лицо Кати заметно просветлело.

Я налила себе две кружки. В одной был чай, в другую я бросила шипучий аспирин – ждать, когда головная боль пройдет сама – собой, мне не улыбалось.

– Я рада. Очень рада за тебя, – как же хорошо иметь по-

другу с таким легким характером, как у Катюши. Никаких тебе долгих обид, молчаний и прочей ерунды.

– А ты? Почему ты ушла?

– Да просто устала и решила уйти, – мне не хотелось ей рассказывать о своем звонке.

– Ясно. Какие планы на сегодня?

– Никаких. Попишу диплом, возможно рисунки доделаю и все. Кстати, сколько сейчас времени? – я поискала глазами часы, которые обычно стояли на полке рядом с кружками, но сейчас куда-то испарились.

– Уже час дня. И часы я ночью разбила, когда в темноте искала чайник, – Катя виновато улыбнулась.

– Ну и ладно, купим новые. Ладно, я в ванную, когда он за тобой придет?

– Обещал в полвосьмого.

Я отправила ей воздушный поцелуй и пошла в душ. Обожаю ее.

Вечером, сидя за столом, я потянулась к окну, чтобы открыть его пошире и перевела дух. Было уже почти полседьмого, а моя работа по диплому продвигалась очень медленно. Если с основным материалом было еще куда ни шло – я написала около двадцати страниц, то с эскизами дело обстояло хуже. Мне нужно было придумать коллекцию женских деловых костюмов. Какие-то наброски были, и я их перерисовала на твердые листы, старательно обозначив все детали, а вот новое совсем не приходило в голову. Все, что я пробо-

вала, казалось мне уже пройденным. Тем, что я раньше или видела или уже рисовала. Еще и погода не способствовала учебному рвению. Был теплый вечер пятницы и город готовился отметить окончание недели. За окном слышался смех, чьи-то разговоры, детские визги и шум редких машин. Недалеко от окна проходила дорога, но она была вдали от основных трасс, и движения по ней практически не было. Говорили, что до поры-до времени. Вроде бы здесь вскоре собирались расширить полосы, но дело пока ограничивалось только разговорами.

По квартире нервно носилась моя соседка, перебирая свои наряды – готовилась к свиданию.

– Как ты думаешь, так не сильно коротко? – соседка просунула голову в дверь.

– Покажи – я сделала полукруг на стуле.

– Ну вот, – Катя остановилась на пороге комнаты, одетая в ультра – короткое мини, которое во всей красе демонстрировало ее непозволительно точеные ноги.

– Он точно будет смотреть только на твои колени. Можно не краситься.

– Я серьезно.

– Я тоже. А куда вы идете?

– Не знаю еще. Посмотрим. Скорее всего, у него есть уже какой-то план.

– Да успокойся, все хорошо.

– Подожди, сейчас другое увидишь, – подруга убежала

в свою комнату за новым платьем.

В дверь позвонили. Я прикрыла свою, чтобы не мешать встрече и улыбнулась. Вот, что называется полноценный уик-энд. Катку сейчас просто потряхивает от волнения.

В коридоре загремел замок и послышался чей-то мужской голос.

– Саш, выйди на минуту.

Я-то им зачем? Отложив в сторону бумаги, я вышла из комнаты.

На пороге стоял незнакомый мне молодой человек, на которого Катя смотрела с любопытством, но не более того. Значит это не ее Алексей?

– Добрый вечер, ты – Саша?

Я кивнула, недоумевая, кто он такой и что ему от меня нужно.

Молодой человек был довольно симпатичным, блондин с короткой стрижкой, среднего роста и карими глазами. Он молча и довольно откровенно осмотрел меня сверху до низу, от чего я немного оторопела. Я была одета в короткие домашние шорты и довольно открытую растянутую старую майку и то, как меня сейчас разглядывали, меня возмутило. Катя с любопытством смотрела на нас обоих.

– Вы вообще кто?

– Подожди, – он развернулся и побежал вниз по лестнице, – подожди.

Я пожалала плечами и закрыла дверь.

– Ты его знаешь? – Катя внимательно посмотрела на меня, пытаясь угадать по моей реакции ответ на свой вопрос.

– Первый раз вижу. Наверное, нам лучше спрашивать сначала «кто там» до того, как откроем дверь. Мало ли какие больные по подъездам шатаются.

Озадаченная я развернулась было в свою комнату, как в дверь опять позвонили.

Мы с Катькой переглянулись.

Она подошла к двери и посмотрела в глазок. Потом повернула ко мне голову и развела руки в стороны – я поняла, что это тоже не ее знакомый.

Шепотом, практически одними губами, я спросила: «Это тот же, что приходил?» – подруга покачала головой.

«Нет, не он»

Я сделала шаг к двери и жестом попросила ее отойти в сторону, чтобы посмотреть самой.

Меня чуть не хватил удар, когда за дверью я увидела Диму. Я развернулась и оперлась спиной об косяк. Мысли судорожно оценивали происходящее и мои дальнейшие действия. Открыть?.. Как он меня нашел?.. Боже, что на мне надето... и уж совсем не в тему – почему я голову не помыла...

Сердце отстукивало удары, соревнуясь скоростью с секундами. Тук, тук, тук. Нет, скорее та дам – та дам. Та дам...

Звонок прозвенел еще раз. Катя, стоя напротив и сложив руки на груди, нахмурила брови:

«Иии?» «Сейчас Алексей должен прийти»

Я решительно развернулась и повернула ручку замка.

– Привет! – он явно обрадовался тому, что увидел, несмотря на мои сомнения относительно собственной внешности.

– Привет! Ты как здесь оказался? – я не отпускала ручку двери, цепляясь за нее, как за спасательный круг.

– Я же сказал, что найду тебя. – Его взгляд опустился ниже – выходи, я подожду тебя на улице – еще раз посмотрев почему-то на мои ноги, добавил – и одень что-нибудь потеплее, на всякий случай.

Не дав мне буквально открыть рта, он практически мгновенно спустился на целый лестничный пролет.

– У тебя полчаса, я – внизу, – донеслось уже с этажа ниже.

Немая сцена в прихожей прервалась моей скороговоркой:

– Ничего не говори, да это он, и я не знаю, как он меня нашел.

Дальнейшие свои действия я помню смутно. Сначала я намотала несколько кругов по квартире, потом побежала в ванную – посмотреть на себя в зеркало, потом несколько раз открыла и закрыла шкаф и наконец, уселась на стуле, положив ногу на ногу, мотая одной из них верх – вниз и выпучив глаза.

Катя все это время бегала за мной, бесконечно задавая разные вопросы:

– Это тот самый, что ехал с тобой в автобусе? Ты пойдешь с ним? Интересно, как он все-таки тебя нашел? Да, он ниче-

го, но оно тебе надо?

Я беспомощно посмотрела на нее:

– Он же никуда не уйдет. Ты же понимаешь? Если я не выйду – он вернется и мне или сейчас нужно ему будет что-то объяснить или вообще ничего не говорить и...

– Решай. Тебе решать. Только успокойся.

В дверь кто-то опять забарабанил, и от неожиданности я чуть не свалилась со стула.

Устраивать пляски возле двери в коридоре сегодня вечером становилось уже старой – доброй традицией. Настоящее броуновское движение. На этот раз это был действительно Алексей, и Катя в полной боевой готовности отправилась на свидание, предварительно показав уже в двери круговой жест, который означал, что я должна шевелиться и быстрее приходиться в себя.

С прихода Димы прошло уже двадцать пять минут, а я по-прежнему мучилась в нерешительности.

Побродив где-то еще пару минут по квартире, я стянула резинку с волос, встряхнула рукой, потом пригладила пряди, одела свои новые тонкие джинсы и, прихватив легкий кардиган, закрыла за собой дверь.

Будь что будет.

6.

– Ну и куда мы пойдем?

Увидев меня, он расплылся в широкой улыбке и поднялся со скамейки, что стояла возле подъезда. Странно, что ее

еще не оккупировали местные бабули – как раз самое время. Обычно в это время они были уже во всеоружии – степенно сидели на двух лавочках, друг напротив друга, создавая коридор – проходную. Как самые настоящие охранники, только блюдущие не безопасность жильцов, а степень их нравственной испорченности.

– Сначала прямо, – он настолько внимательно посмотрел на мое лицо, что мне стало не по себе. Не то, чтобы я стеснялась своей не накрашенной физиономии, но вот такое явное внимание меня несколько обескураживало.

– Хм, интересный маршрут, а потом?

Когда он приблизился, я тут же унюхала тонкий аромат какого-то геля для душа, смешанный с его собственным запахом. Смесь мне понравилась. Еще он был одет в хлопковую футболку и на плече у него висел средних размеров рюкзак. Надеюсь, там просто какая-то одежда, а не отточенные инструменты маньяка.

– Ты всегда планируешь свои прогулки?

– Хотелось бы знать, куда мы идем, – я пожалала плечами.

– Пусть это будет сюрпризом. Уверен, что тебе понравится. Кстати, почему ты не пришла?

– Кстати, как ты меня нашел? И как узнал, как меня зовут?

– Я же сказал, что найду. У меня свои методы. Пусть это будет моим секретом. Зато ты теперь знаешь, что от меня невозможно скрыться.

Я не ответила на вопрос, почему не пришла, и мы к этому

больше не возвращались. Он рассказал, что учится в строительном институте на инженера каких-то там коммуникаций, что ему остался еще один год и дальше он стал рассказывать про своих друзей, что у них замечательная компания и что мне нужно обязательно с ними познакомиться. Еще была парочка каких-то анекдотов, надо отдать должное, в тему, и все это время меня не покидало чувство какой-то легкости. Какого-то прозрачного легкого марева, в которое меня погрузили, со всеми этими шутками, улыбками, запахами сирени, зеленой травой и сумеречного неба. И оно обволакивало меня со всех сторон, даря ощущения какого-то внутреннего покоя и защиты. Мне там было настолько комфортно и тепло, что хотелось просто покачиваться в такт и не пытаться выбраться.

Кроме того самого первого вопроса, он спрашивал меня только по теме разговора – я рассказала, что тоже учусь и что у меня сейчас период подготовки и защиты диплома. Никаких подробностей про семью и про то, откуда я. Он не задавал мне этих вопросов, и я была благодарна ему за это.

Мы прошли уже достаточно много, почти окончательно стемнело, и, дойдя до большого перекрестка, Дима предложил свернуть в сторону старого города.

Старый город – так называлась еще дореволюционная часть города, где сохранилась мощеная кладка вместо вездесущего асфальта, католическая ратуша и паутинки узких улочек, которые разбегались в разные стороны прямо за цен-

тральной площадью. Со своими подругами я часто там бывала, но последний раз это было три года назад, и поэтому я с удивлением обнаруживала для себя новые здания, которые ушлые градостроители втиснули между старинными постройками. Дома строили так близко, что часть отдельных ответвлений улиц стали совсем перекрыты для пешеходов. Это было очень грустное зрелище.

– Я давно тут не была, надо же, как тут все застроили, – мы понемногу поднимались наверх, вслед за чередой желтых фонарей и я стала искать глазами кофейню, в которой раньше, в прошлый период моего студенчества, готовили прекрасный восточный кофе в турках.

Как будто прочитав мои мысли, Дима указал на следующий поворот.

– Тут, буквально за углом варят отличный кофе, зайдём? Посетителей, кроме нас и еще одной пары не было, поэтому нас очень быстро обслужили, и мы устроились за столиком у окна друг напротив друга.

Дима, отложил чашку, наклонился немного вперед и, внимательно глядя мне в лицо, спросил:

– Готова к небольшому приключению?

– Приключению? – я увидела в его глазах какие-то темные, почти черные и желтые точки, почти рядом со зрачками и в данный момент решала дилемму – может это за счет них цвет глаз кажется не голубым, а именно синим, глубоким синим.

– Помнишь, я обещал тебе сюрприз?

– Ну, я думала, что это он и есть – я обвела взглядом кофейню.

– Шутишь? – он рассмеялся, – нет, конечно. Это как бы не тянет на сюрприз.

Я посмотрела на дно чашки, покрутила ее, чтобы посмотреть, как крупинки зерен на самом ее дне чертят свои волнистые дорожки, и подняла глаза.

– Ну, пойдём. Это далеко?

– Нет, совсем рядом.

– Надеюсь, мне ничего не грозит, – я нервно поерзала на стуле.

– Пойдем, сейчас сама все увидишь, – он поднялся и протянул мне руку.

От кофейни мы прошли еще метров сто – сто пятьдесят и остановились возле какого-то забора. Вернее, в глубине стояло какое-то полуразрушенное здание из красного кирпича, небрежно прикрытое разрисованной тканью, а забор плотно, от стены до стены соседних домов, загораживал эти руины.

– Что это? – я кивнула в сторону постройки.

– Насколько я знаю раньше здесь стоял дом какого-то то ли купца, то ли помещика. Это он построил здесь все эти купола, как в готическом замке. Видишь, один сохранился? Сейчас эти развалины собираются снести и построить что-то другое.

– А отреставрировать?

– Вряд ли. Скорее всего, просто снесут и все. Возможно, вместо него вклеят что-то современное.

– Ну и почему мы сюда пришли? – я огляделась по сторонам. Людей практически не было и мне стало как-то неуютно.

– Я хочу тебе показать кое-что. Тебе точно понравится, тем более ты художница. Только ты должна мне довериться. Ладно?

Я почти не видела его лица – он стоял в густой тени, и прочитать его выражение не могла. Несмотря на явный абсурд происходящего – я его совсем не знаю, первый, ну ладно, второй раз вижу, во мне зашевелились какие-то авантюрные жилки, граничащие с идиотизмом. Почему-то вспомнилось воровство соседских яблок с бандой таких же, как я, восьмилеток на даче. Нас тогда здорово наказали, но, тем не менее, тот щенячий восторг от собственной безумной крутости запомнился на всю жизнь.

Я согласно кивнула.

– Сейчас я перелезу через забор, а потом ты следом, видишь – эти выступы, вот на них нужно ставить ноги, а я тебя потом поймаю, на той стороне. Хорошо? Справишься?

– Не учи меня лазить по заборам. Но если что – будешь должен мне новые джинсы, – адреналин однозначно ударил мне в голову.

Дима практически перепорхнул через забор и застыл

с другой стороны. Его зрачки (наконец на него теперь падал свет) были по пять копеек.

– Давай теперь ты, не бойся, я поймаю.

Только я собралась поднять ногу, как на улице показался какой-то мужчина. Я сделала вид, что просто копаюсь в своей сумке.

Когда он скрылся из виду, я глупо хихикнула, и обеими руками ухватилась за прутья. Поднявшись за забор, мне оставалось только прыгнуть. Дима подошел вплотную и вытянул руки.

– Дай мне сначала одну руку, потом вторую. Аккуратно, не торопись.

Я протянула руку. Наверное, от усердия он настолько сильно ее сжал, что мне стало больно.

– Не так сильно. Я сама. Я держусь.

Потом я оторвалась от перекладины, вскинула вторую руку и приземлилась на землю.

Он довольно засмеялся.

– Теперь иди за мной и не отставай.

Я просто кивнула головой. А вот сейчас я чувствовала, что я – глупый агнец, которого ведут на заклание. Но деваться было уже некуда.

7.

Мы пошли по тропинке, Дима шел впереди – я за ним, стараясь смотреть себе под ноги. Мы почти вплотную подошли к зданию, как тропинка сделала неожиданный крюк и стала

спускаться к каким-то кустам, трава стала выше, и идти стало сложнее. В темноте я совсем не разбирала дороги, опираюсь только на свои ощущения и периодически спрашивала – долго еще?

– Сейчас. Еще немного. Давай руку.

«Да, сейчас он меня тут задушит и закопает, и буду я вечно гнить в этой земле, и никто никогда меня не найдет. И даже искать не будет. Может когда-нибудь, лет через триста, мои косточки отроют и поставят здесь даже не памятник, а так, отметину – вечный символ вселенской глупости».

Я по—прежнему смотрела вниз, ругая себя и свое безрассудство последними словами, как услышала впереди его голос:

– Все, мы пришли, смотри.

Я поравнялась с ним, подняла глаза и ошарашенно выдохнула:

– Какая красота!

За кустами находилась небольшая площадка, видимо это место также было частью этой то ли галереи, то ли заднего двора старого дома.

В центре этой площадки росла кряжистая огромная ива, корни которой частично были на поверхности, переплетаясь в странную конструкцию в виде природной, пологой скамейки с самой настоящей спинкой и подлокотниками. Такое вот чудо природы. Но этого всего мы бы никогда не разглядели в темноте, если бы не потрясающий вид, который открывал-

ся сразу же за площадкой, где росло дерево.

Почти сразу за ивой был обрыв, резкий спуск к реке, которая широкой извилистой лентой тянулась к горизонту. Черная, отполированная гладь водной артерии. А берег напротив был накрыт большой кружевной шалью из нитей-дорожек и бусинок-домов, которые были сплетены в сложные городские узоры. И всю эту ошеломительную красоту обрамляла плеяда огоньков – фонарей вдоль реки, которая прочертила по воде белые полосы-отражения.

– Это так красиво, – я пыталась запомнить то, что увидела. Возможно, для будущей работы в пастели. Возможно.

Дима, похоже, наслаждался произведенным эффектом.

– Я же говорил, тебе понравится. Такой вид открывается только здесь. В детстве я сюда приходил, никаких заборов тут тогда не было, ну и запомнил. Всегда хотел вернуться. Смотри, я тут пару бутербродов захватил и попить. Что будешь – кофе, вино? – он расположился на чудо-скамейке, достав из рюкзака плед, термос и продукты.

– О, так ты продуманный? – все еще под впечатлением, я присела на толстую ветку ивы рядом с импровизированным столом.

– А ты идти не хотела. Это была вообще-то программа первой прогулки, когда ты не пришла. Так может все-таки вино? – он достал из рюкзака небольшую бутылку и два обычных стакана.

Я смотрела на реку и поймала себя на мысли, что знаю его

если не всю жизнь, то очень давно. В нем удивительным образом соединилось все то, что меня так привлекало в мальчиках во всех моих детских влюбленностях. Как будто, именно с ним мы жили где-то по-соседству и росли друг у друга на глазах. Чтобы убежать из дома, пугая родителей. И измерять глубину луж голыми ногами, купаться в дождь, прыгать с зонтиком-парашютом с крыши сарая и делать еще кучу разных глупых вещей, вызывающих гневные крики и повышенное давление взрослых. В каждом из нас в детстве обязательно живет такой вот персонаж, который хочет приключений, мнит себя героем, ну или как минимум – первопроходцем. И в такие походы нам всегда нужен был тот, кто не испугается, не дрогнет и пойдет до конца. Странно, но именно с Димой это чувство мальчишеского ребячества опять подогревало кровь, помогало вернуться в детство. И дело даже не в этой поздней прогулке по каким-то заброшенным местам, а в целом. Само настроение, простота, какая-то щедрая открытость.

Я посмотрела на него. Мы сидели рядом, разделяемые только нашим мини-столом. Пара бутербродов, обтянутых пленкой, термос и сложенный плед. Дима возился с бутылкой, пытаясь ее открыть – она была запечатана обычной пластмассовой пробкой, которая никак не хотела выходить.

– Это домашнее вино, двоюродная сестра привезла из Грузии, попробуешь? – пробка, наконец, поддалась, и он протянул мне стакан с темной жидкостью.

– Хорошо пахнет – я вдохнула терпкий аромат. Слива? Виноград?

– Ну, я не знаток, но в целом мне нравится, – он посмотрел на то, как я осторожно сделала первый глоток.

Свет от дальних огоньков поделил его лицо пополам – одна часть была почти белой, а вторая – полностью черной. Чем-то это мне напоминало работы кубистов – четкие грани рубили изображения прямыми линиями – свет-тьма, явное и тайное. Да, в человеке все так. Нет идеальных, мы все и плохие и хорошие, добрые и злые, ленивые и упрямые. Главное знать, под каким углом смотреть. Практически любой наш поступок имеет свою точку зрения, свое, если хотите, оправдание. Поступки, поведение – для всего есть свои отправные точки и запятые.

– Мне тоже нравится, – вино стала понемногу согревать желудок. Вкус был сочным, насыщенным, в общем, довольно приятным.

– Видишь ту звезду? Вон там, совсем низко? Она там самая яркая, – он показал куда-то в сторону. Чтобы я поняла, о чем речь, Дима придвинулся ближе, переставив продукты с другой стороны, наклонился, и, взяв мою руку в свою, вытянул ее в нужном направлении – теперь видишь?

Такая близость заставила мое сердце биться чуть быстрее, но я сосредоточилась на звездах.

– Это Венера. Она единственная из планет, что иногда отбрасывает тень на Землю. В свое время я увлекался всем, что

связано с космосом, – он сидел совсем рядом, наши колени теперь иногда встречались.

– Ну, я в общих чертах немного знаю о планетах, такой обязательный минимум. Меня больше мифология интересовала, поэтому я...

И тут он меня поцеловал. Мои руки сложились в попытке оттолкнуть. Но на этом все, моя показная иллюзия защиты больше не работала. Ладони уперлись в ткань майки, под которой чувствовались тепло и барабанная дробь сердца, а куча рваных мыслей в моей голове смешалась в один плотный шар, который мозг, без зазрения совести, выкинул за пределы моего сознания.

Надо сказать, целовался он хорошо. Это не были робкие прикосновения губ по чуть-чуть, только боязливым касанием, как будто дотрагиваешься до чего-то очень-очень хрупкого. Нет. Но это и не был тот неумелый открытый напор, который представляется почему-то образцом дикой страсти ошалелым подросткам.

Это было и нежно и страстно одновременно. Такая золотая середина. Ее хватило, чтобы голова поехала кругом, горизонты поплыли, а очумелые соловьи, которые до этого момента пытались составить нам музыкальное сопровождение, окончательно смолкли.

Когда дело начало принимать более серьезный оборот – он начал судорожно пытаться расстегнуть мой лифчик, я сдала назад.

– Подожди, остановись. Фух. – отстранившись, я пыталась справиться с дыханием.

– Что не так? – он тоже тяжело дышал, но руки опустил.

– Ничего. Все так. Мне пора домой. Хватит на сегодня. (Или вообще хватит?) – я резко вскочила и стала отряхивать одежду.

Дима тоже поднялся. Поднял упавшую на траву бутылку, стаканы, термос, завернул остатки еды в пакет для мусора, и сложил в рюкзак. Молча.

– Извини, если что не так, – он повернулся ко мне, – пойдём?

Обратно мы шли молча. Ну, практически молча. Что-то изменилось. Его взгляд и даже походка стали какими-то другими. Более спокойными, что ли. Теперь мы шли медленнее, чем четыре часа назад, периодически он дотрагивался рукой до моей ладони, вскользь, немного перебирал и гладил пальцы. И это было до-невозможности нежно.

Впереди показался мой дом.

– Увидимся завтра? – мы стояли очень близко, в тени козырька подъезда, он держал меня за руки, и смотрел в глаза.

– Не знаю. Посмотрим. Созвонимся.

Дима приподнял брови:

– И ты мне позвонишь?

Я улыбнулась, и, подтянувшись к уху, прошептала:

– Я сейчас скажу тебе свой номер, позвони мне сам.

На прощание он чмокнул меня в щеку.

Когда я зашла в подъезд, отрезвляющая мысль жирным текстом прошибла мне лоб: «Какого черта ты делаешь?»

8.

На следующий день, чувствуя за собой, целую Марианскую впадину вины, я позвонила всем своим родным. Сначала маме, потом, после того, как Тема, сын, подошел к телефону, я долго обсуждала с ним варианты выращивания в домашних условиях лягушек из головастика, и возможность построения настоящих космических кораблей из остатков Лего. Следующий звонок был мужу. Марк очень обрадовался (ну и дрянь же я), говорил много о работе, о том, что скучает и ждет-не дождется, когда у меня, наконец, все закончится.

Соседка Катя была бодрa, весела и атаковала меня подробностями своего свидания. Ей все очень понравилось, это был чудесный ресторан и много-много разговоров буквально обо всем на свете. И да, он ее, как никто, понимает, и у них много общего, и ему нравится такая же музыка, как и ей, и, в целом, она чувствует, что это ее человек.

– А ты как? Расскажи ии, – подруга уселась напротив, подперев руками подбородок.

Глядя в ее счастливые глаза было бы преступлением начать перетягивать одеяло на себя, в смысле – стоило ли вообще о чем-то говорить?

– Прогулялись немного. Кофе выпили. Ничего особенного.

– Ну а кто он, чем занимается, что ты про него узнала?

– Все обычно. Студент, живет, вроде бы, с родителями, я не уточняла, так, из разговора поняла, друзья имеются и все. Ну, и музыкой еще увлекается.

– Играет на чем-то?

– Да, гитара, играет. Как и все мы, наверное. Немного музыканты. Хотя на самом деле не знаю. Просто по рассказам.

– Ясно, значит, денег особых нет.

Я усмехнулась:

– Скорее всего. Студент же.

– А про девушку? Что-то говорил? Ну, ту, которая с ним шла тогда.

– Ты думаешь, я призналась бы, что видела его? Нет, конечно. Этой темы мы не касались. Он ничего не говорил, ну и я не спрашивала.

Легкая тень разочарования мелькнула в Катькиных глазах. У меня было все банально и скучно.

– Еще увидите?

– Возможно. Не уверена. Может быть.

Пелена романтики подтаяла вместе с первыми лучами солнца, поэтому я не была уверена, что соглашусь еще на одну такую встречу. К тому же, заноза собственного запоздлого раскаяния, после утренних телефонных разговоров, засела еще глубже.

Я сделала свои обычные дела – прибралась, написала пару листов диплома, сходила в магазин и часа в четыре уселась

на кровать, прихватив несколько листов бумаги для набросков. Была пару идей и мне захотелось их накидать.

В коридоре зазвонил телефон, и Катька пулей понеслась к нему.

– Сааш, тебя, – протяжные нотки в голосе подруги выдавали ее досаду.

– Кто там? – мне не хотелось вставать, т.к. именно сейчас я поймала вдохновение.

– Не знаю, по-моему, это твой Дима.

«Твой Дима». Я автоматически кинула взгляд на часы – почти пять. Пока я шла к телефону, в голове опять началась каша. Я все утро говорила себе, какая я беспросветная дура, и клялась, что подобное вчерашнему никогда больше не повторится, но ноги сами привели меня в прихожую.

– Алло, да, привет!

– Что с голосом? Все нормально?

– Да, пойдет.

– Отлично. Я через полчаса зайду, собирайся.

– Куда?

– Небольшой выезд на природу. На этот раз никаких заборов и заброшек. Обещаю. Мы с друзьями едем на шашлыки, хочу, чтобы ты пошла со мной.

– Дим, может перерыв? У меня куча работы, скоро сдавать, и я понятия не имею, когда все закончу, – я тянула время, в надежде, что мой ответ ему не понравится, и он передумает звать меня куда-бы то ни было.

– Нет. Я сейчас за тобой захожу. Не парься, если что, я тебе помогу. Попишу чего-нибудь, или рамки почерчу.

– Перестань. Я правда не могу.

– Я ведь тоже студент, все нормально будет. Ты погоду видела? Пошлиии, сегодня суббота. Обещаю, что завтра не буду тебе звонить. И приходите. Если ты не захочешь, конечно.

Я вздохнула. Если бы он знал, что я вложила в этот вдох.

– Ладно, я пойду. Это далеко?

– Нет, не очень. Километров двадцать от города.

– Ого. Прилично. Мы на машине?

– Да. Скоро буду. Пока. Целую.

Ну, вот и все. Приехали. Я погрязла в своей лжи по самое не хочу. Со всех сторон.

– Уходишь? – Катя вышла в коридор из своей комнаты.

Я развела в стороны руки.

– По-моему, я влюбилась.

Как и обещал, через полчаса Дима заехал ко мне. Когда мы уходили, Катя скорчила жалостливую гримасу, которая говорила: «Держись, мать. Расслабься и получи удовольствие».

9.

В машине, кроме нас с Димой, были еще водитель-друг Сергей, и его подружка, Лена. Остальная компания, как я поняла, ждала нас уже на месте.

Судя по тому, как они себя вели, эта пара – Сергей и Лена, встречалась уже давно, они много шутили, смеялись, и из их

слов я узнала, что они очень рады, что их Димон сегодня не один. Вскользь были упоминания о том, что такому повороту событий предшествовал какой-то печальный опыт, но это были замечания действительно мимоходом, поэтому, что-либо поточнее узнать не удалось, да и не сильно этого хотелось. Что было, то было.

Нас ждала еще одна пара – Виталик и Наташа, шашлыки уже были замаринованы, огурцы с петрушкой блестели каплями воды, и нам всем оставалось только подготовить произвольную поляну для основного блюда и нарезать овощи.

Место действительно было красивым. Река, со всех сторон окруженная кустарниками и высокими деревьями, небольшая возвышенность, где образовалась наша стоянка и картинный противоположный берег с разно уровневыми полями и заливными лугами. Идеальная картинка. Как раз для съемок или написания пейзажей на пленэре. Видимо, выбирать живописные места было у Димы и его друзей в крови, поэтому на данный момент я была очень благодарна им всем за новые впечатления. Несмотря ни на что.

Я включилась в работу по нарезке овощей и сервировке стола. Девочки иногда переговаривались один на один, но, в основном, вели себя корректно – принимали участие в общем разговоре и, естественно, поинтересовались моей жизнью. Я лепетала что-то про учебу и про сложности создания моделей и еще всякую чушь, пока одна из них не спросила: – Ой, ты же, наверное, учишься вместе с моей подругой?

– Возможно, на каком она курсе?

– На последнем. Сейчас защита. Ты начала говорить про эскизы, и я вспомнила. Ее фамилия – Леговая. Таня Леговая. Знаешь ее?

Мысленно «поблагодарив» себя за разговорчивость, я ответила:

– Да, конечно, мы вместе учимся. (Вот черт!) Так, общаемся изредка. У всех сейчас свое. Каждый занимается своим планом индивидуально. Но я только в этом году с ними. Раньше училась с другой группой. У меня был академический – два года перерыва.

– О, а связи с чем?

– По семейным обстоятельствам... Ооо, первая партия уже подошла!

Я была очень рада, что Сергей уже шел в нашу сторону с готовыми шашлыками, и мне не пришлось отвечать на какие-то дополнительные вопросы по поводу моего академического отпуска. Если бы такие возникли.

Все собрались за столом и начали шумно хвалить вкуснейшее мясо. Выяснилось, что маринровкой занимался Виталик и многочисленные дифирамбы полетели в его сторону.

Дима активно принимал участие во всеобщем ажиотаже, разжигал костер, следил за готовкой и периодически кидал на меня заинтересованные взгляды. Я видела, что он о чем-то говорил со своими друзьями и, вполне возможно, речь шла обо мне, но в целом, все было относительно спо-

койно. Ощущение замечательного дружеского отдыха в лучах мягкого солнца, дурманящих запахов травы, вкусной еды и общей расслабляющей атмосферы действовали на меня успокаивающе. Я знала, конечно, знала, что поступаю плохо, неправильно, скрывая ото всех свой семейный статус, но чувствовала я себя при этом превосходно. Настолько хорошо, что все потуги моей совести указать мне на мою несправедливую жизнь перестали меня на какое-то время волновать.

Немного нервничать я начала только после того, когда ребята стали устанавливать палатки.

– Мы здесь остаемся на ночь? – я подошла к Диме за разъяснениями.

Он отложил в сторону колышек и разогнулся во весь рост: – Поедем завтра утром. Все равно, за руль сейчас никто не сядет.

– А Наташа? – Они ведь были здесь до нашего приезда? – я посмотрела в сторону пары, которые оказались здесь первыми.

– Виталик живет здесь недалеко, их друзья привезли до нас. Они тоже уедут завтра утром.

– Это нечестно. Почему ты меня не предупредил? (Кто бы говорил о честности)

– Тогда ты бы точно не поехала, – он взял меня за плечи и подтянул к себе, – ну, не злись. Завтра все вместе поедем.

А ты не промах – подумалось мне. Но, в конце концов,

назвался груздем – полезай в кузов. Выхода все равно не было – не бежать же мне отсюда.

Полозья повозки какого-то небесного волшебника прочертили на небе лиловые полосы. Солнце начинало разыгрывать свою главную партию на вечернем небе. Запахи земли стали жестче, прянее, и мне захотелось спуститься ближе к реке. Именно рядом с водой закаты, почему-то всегда более живые. Вода как – будто умножает их, делает более сочными и блестящими.

Минут через пять, после того, как я уселась прямо на траве, вытянув вперед ноги, подошел Дима.

– Красиво! – он присел рядом.

– Да. Как же мне это нравится. Смотри, видишь, на той стороне верхушки стали сиреневыми? Да, вон там, а там – золотые – я указала на череду ив и тополей на противоположном берегу.

– Конечно, – он наклонился ко мне и дотронулся губами до виска.

Сто пятьдесят тысяч мурашек разбежались по телу, подгоняемые бесцеремонными эндорфинами. Мы долго целовались, и моя кровь окончательно превратилась в термоядерный коктейль из сложных химических реакций, мешающих мыслить трезво и рассудительно.

– Подожди, – я немного отстранилась, – расскажи мне об этих людях. Кто они?

– Виталья мой однокурсник, Наташа – его девушка, где-то

примерно полгода или около того вместе.

– Ясно, а Сергей с Леной?

– Серега – мой сосед по дому, вообще-то мы не часто видимся, хотя давно его знаю. Лена – его подружка.

Мне показалось, что при имени Лена он немного скрипел рот.

– Тоже давно уже встречаются?

Дима сменил позу, подтянув к себе ноги и свободно положив на них руки.

– С Леной, вообще-то, он не так давно. Насколько я знаю.

– Странно, мне показалось, что они пара со стажем.

Дима усмехнулся.

– У него есть жена. Это просто подружка.

– Правда? – это был интересный поворот.

– Да, жена – Катя. Он женат уже года четыре, если не больше.

– Ммм, а почему?

– Почему не с женой? Понятия не имею. Если честно, я его не понимаю.

– У них дети есть?

– Нет, детей нет. Давай не будем о них?

Наш разговор подействовал на меня отрезвляюще. Мне стало не по себе. В его голосе, даже не в словах, было столько осуждения, когда он говорил об измене, что все мои прежние мысли о том, что я ему обязательно все сегодня расскажу, таляли на глазах. Просто немного позже. Еще чуть-чуть. Пусть

не сегодня, может быть завтра или послезавтра, если мы еще будем видеться. Или потом. Или никогда. После того, как ко мне пришло осознание последствий моего молчания, я прекрасно понимала, что просто тяну время. Мне НРАВИЛОСЬ с ним. С этим парнем. Мне нравилось чувствовать себя в состоянии первой влюбленности, именно такой, легкой и пушистой, азартной и ни к чему не обязывающей. Ощущение ложной свободы?

После заката опустилась безлунная и черная, как смола ночь, вся – на ощупь. Мы сидели у костра и напевали под гитару какие-то песни. Их было много, этих песен, и каждый из нас пытался выжать из себя максимум, попадая и не попадая в такт и в ноты. Сверчки всех мастей вторили нашей музыке. Я смотрела на теплые, разогретые огнем, лица нашей компании и на Диму. Именно он держал в руках гитару. Его руки легко скользила по грифу и струнам, вызывая во мне желание научиться, наконец, тоже играть на гитаре.

Я не знаю, кто первый об этом заговорил, наверное, кто-то из девочек, но внезапно поступило предложение пойти искупаться.

– Вода совсем теплая, пойдемте.

– А купальники? – я ничего с собой не захватила и поэтому сама идея мне нравилась, но ее осуществление вызывало вопросы.

– Давайте поделимся. Сначала вы пойдете, потом мы, – предложил оживившийся Сергей.

Все со смехом живо поддерживали эту идею.

– Не подглядывать!

– Да ни за что, ну если только сами не позовете!

Немного поспорив, кто все-таки идет сначала – они или мы, в конце – концов, мы с девочками пошли первыми. Когда костер оказался за спиной, и темень ночи стала совсем непроглядной, нам пришлось замедлить шаг. Было настолько темно, что последние метры мы держались на совсем коротком расстоянии друг от друга. Отмеряя каждый шаг, по чуть-чуть, очень медленно, замирая при каждом шорохе в траве, мы вышли к реке.

При этом линии берега все равно толком не было видно – ее накрыло пеленой такого густого тумана, что это было похоже на спуск в облака. Я взяла за руку Лену.

– Может не надо?

– Да брось. Знаешь, какая вода сейчас? Чего бояться?

Не дойдя до края всего примерно метр, мы стали раздеваться. Дно впереди должно было быть достаточно твердым, насколько я это помнила, поэтому завязнуть в иле нам не грозило.

Первая зашла в воду Лена и со вздохом раскинула руки:

– Как же хорошо! Давайте сюда, вода классная.

Недолго думая, с воплями и визгами, мы с Наташей бросились за воду.

Темные воды ласково приняли наши голые тела. Это действительно было что-то завораживающее. Мы, как самые на-

стоящие русалки плавали в крошечной мгле, окутанные молочным туманом и тихо, боясь потревожить, наверное, каких-то реальных жителей подводного царства, разошлись в разные стороны.

Я перевернулась на спину, расставила руки в стороны и, подчиняясь плавному течению реки, посмотрела вверх. Из-за того, что наступило новолуние, звезды на небе, не подсвеченные луной, казались буквально на расстоянии вытянутой руки.

– Девочки, смотрите, какие звезды!

– Ага! – Я услышала голос Наташи, значит, она была где-то недалеко. – А еще мне кто-то сказал, что когда окунаешься в новолуние, ты как бы обновляешься, начинаешь жизнь заново, старое уходит, и ты открываешь путь новому.

Красиво. Закрываешь старое – открываешь новое. Перегрузка. Нажал на кнопку – стер то, что нужно, и все, – начинаешь все заново. Если бы так было в жизни, боюсь, что такую машину люди быстро сломали бы.

Я продолжала слегка перебирать руками вдоль тела, помогая себе держаться на плаву. От рук в разные стороны уходили тонкие серповидные волны, которые где-то дальше сходились в большие кольца-круги.

С правой стороны я услышала небольшой всплеск воды и со страхом приняла вертикальное положение, усиленно вглядываясь в направлении шума. Мало ли кто сейчас там в воде. Ночь же, период охоты у животных и рыб, если что.

А мы тут со своим купанием. Оглянувшись, я увидела, что течение отнесло меня достаточно далеко – до меня уже не доносились крики других девочек.

Вспомнив, что в таких ситуациях лучше всего создать побольше шума, чтобы тот, кто там живет или охотится, испугался или затих, я бурно погребла к берегу. Впереди показались заросли камышей и я, периодически цепляясь за отдельные ветки, стала искать место, чтобы выбраться на берег – плыть обратно против течения было довольно трудно, и я боялась, что совсем выбьюсь из сил, пока доберусь до места. Попробовав ногами дно, я передумала выходить. Внизу был густой, вязкий ил, поэтому решила проплыть еще немного, чтобы найти подходящее место для вылазки.

Совсем близко я опять услышала какие-то булькающие звуки и, окончательно перепугавшись, отплыла подальше от берега.

– Плыви в мою сторону – из полосы тумана показалась чья-то голова, и по голосу я узнала Диму.

В другой ситуации я, возможно, начала бы переживать относительно моего обнаженного тела, но то, что сейчас рядом со мной оказался живой человек, вызвало только облегчение.

– Ты зачем так далеко заплыла? Мы уже волноваться стали. Все вышли – тебя нет. Сначала по берегу шел, потом услышал какую-то возню здесь... – Дима с шумом подплыл ближе – держись за меня, цепляйся за шею.

Недолго думая, я ухватилась за плечо.

– Может, здесь выйдем? Только дно проваливается... – я усиленно перебирала ногами, пытаясь балансировать в воде, не приближаясь к Диме вплотную.

– Поплыли. Тут совсем рядом есть нормальный выход – я там заходил, – он развернулся и сделал усиленный толчок в воде. Нагрузка была немного перераспределена (я держалась за его плечи немного боком) и поэтому плыть мне стало намного легче. Буквально через несколько метров Дима остановился.

– Все, здесь твердое дно, можно стать. – Дима повернулся ко мне.

Мы стояли по грудь в воде и теперь просто смотрели друг на друга. Не дав мне задуматься о том, как я сейчас буду выходить, он уверенно притянул меня к себе и прижался губами.

А дальше... Наши губы, лица, руки переплелись в какой-то отчаянной схватке за пространство, пытаясь отвоювать себе места побольше. Мы беспорядочно и хаотично впивались в друг друга, в попытке поймать, уловить сейчас все самое нужное, ценное, важное. И даже воздух теперь был другим, мы дышали уже не им, а друг другом, погружаясь до доньшка, до песчинки, до самой маленькой-малюсенькой молекулы в свое бесконечное. И в этом безумном танце мы стали почти виртуальными, невесомыми, чтобы увидеть как на ладони те самые звезды, которые были теперь так близко.

И созвездия и черные дыры, и вновь открытые солнца – все это было сейчас так непозволительно рядом, что захотелось раствориться, исчезнуть, затеряться с разбегу в этой вновь обретенной вселенной.

Весна проглотила меня со всей своей первобытной жадностью, легко выплюнув напоследок мой только что разрушенный мир.

10.

Как только я перешагнула порог, еле держась на ногах, Катя тут же выбежала из своей комнаты:

– Где ты была? Я пришла около двенадцати – тебя нет, и я уже начала волноваться, что с тобой и...

Не дав ей закончить вопросительную тираду, я не очень вежливо, закрыла перед ее лицом дверь в ванную:

– Все потом, я быстро.

Наспех скинув одежду, я включила воду. Горячую, обжигающую. Озноб от недосыпа начал проходить и тело немного расслабилось. Чуть не уснув под душем, я накинула халат и трясущимися ногами прошла в свою комнату.

Только слегка откинув покрывало кровати, я тут же приняла горизонтальное положение.

Дверь в комнату приоткрылась, и Катькина голова показалась в проеме:

– Ты как? Все нормально?

Мои глаза отчаянно слипались и я пробормотала:

– Все нормально. Все очень-очень хорошо, – мне показав-

лось, что окончание фразы я где-то потеряла.

– Он?

– Он.

– Хорошо, потом все расскажешь. Я рада, что ты добралась, наконец, домой, – и Катя тихонько закрыла за собой дверь.

Я проспала около десяти часов. Сны, обычно всегда цветные и яркие в этот раз не донимали меня – это был мгновенный провал в пустоту.

Проснувшись, я поняла, что подруги дома не было. Я умылась и отправилась на кухню – есть хотелось до жути. В холодильнике оставалось пару сосисок и немного овощей, чему я очень обрадовалась – это не давало мне умереть голодной смертью.

Позвонив маме и поболтав с сыном, я опять отправилась в кровать – еще немного повалятся.

Нужно было пополнить припасы – в доме совсем не осталось еды, но я все тянула время, чувствуя некоторую разбитость и откровенную лень. На глаза попала книга истории искусств, и я решила, что нужно заставить себя хоть немного почитать. Пробежав буквально пару страниц, я уставилась в потолок, совсем не понимая, о чем там написано. Меня разрывало сейчас поделиться с кем-нибудь своими приключениями, но единственной, кому я могла о чем-то рассказать, была Катя, а дома ее не было.

Я вспоминала предыдущий день. И предыдущую ночь.

Все так было для меня ново, волшеббно. Я вспоминала нашу близость в реке, потом – нежные и одновременно обжигающие объятия и поцелуи в палатке. Это было так естественно и в то же время так чувственно и вдохновенно, что я ломала голову над тем, почему этот мужчина мгновенно вызвал у меня такую ответную реакцию. Я все еще помнила в себе ту неопытную девочку, для которой самые первые опыты были сродни испытанию – в общем-то, не особо мне нужными и совершенно не вызывающими во мне каких-либо откликов. Да, у меня был муж, но это было нечто совсем иное. Я повзрослела? Или, может, научилась понимать и принимать движение своих скрытых инстинктов?

В дверь неожиданно позвонили. Неожиданно, потому что у Кати был свой ключ, и она сама открыла бы дверь. К тому же подруга, зная, что я сплю, вряд ли стала бы так тарабанить.

Я поднялась с кровати и подошла к глазку. За дверью стоял Дима.

– Выспалась, соня? – Дима одной рукой оперся о стену, а в другой держал маленький букет ландышей, – держи.

Я втянула носом свежий аромат:

– Ммм, какая прелесть, – я отступила на шаг назад, – заходи.

Он закрыл дверь и тут же заключил меня в объятия, прижав к двери.

Его губы стали быстро перемещаться по лицу и шее, рисуя

замысловатую траекторию на коже, и, задержавшись на линии волос за ухом, прошептали:

– Я хочу тебя...

– Подожди, подожди – я уперлась руками в грудь.

Он слегка отстранился:

– Почему? Дома кто-то есть?

– Нет, но... мне нужно тебе кое-что сказать.

– Говори, – он поднял руки.

– Пойдем на кухню, – я ушла вперед, – чай, кофе будешь?

– Давай. Чай, если можно. – он уселся на стуле, продолжая

вопросительно смотреть на меня.

Я поставила чайник и стала возиться с заваркой, обдумывая слова, которые собиралась ему сказать.

– Спасибо, так о чем ты хотела поговорить?

Я развернулась возле стола, где стояла всякая кухонная утварь, почему-то посмотрела куда-то поверх его волос, и сказала:

– Я не сказала тебе об этом раньше, возможно не считала нужным, но у меня есть сын. Не знаю, – я пожала плечами, – наверное, ты должен знать. Три года, зовут Тоша, Артем – я внимательно следила за его реакцией.

По его лицу было видно, что эта новость его немного ошарашила.

– Ммм, хорошо, а почему ты раньше мне ничего не сказала? – теперь уже он внимательно изучал выражение моего лица.

– Вот. Говорю сейчас. – я развела руки в стороны, – просто СЕЙЧАС я посчитала, что должна тебе рассказать об этом.

Он продолжал что-то обдумывать – это было видно по его чуть-чуть напрягшимся мышцам лица. Не явно, но это движение от меня не ускользнуло.

– Три года? Так ты замужем? – взгляд у него стал таким растерянным, что мне стало не по себе.

– Эээ, нет. Я не замужем. Я развелась год назад. (Простите меня все Боги на свете, и Марк, и сын и ты. И да, мне, однозначно, никогда не получить прощения и гореть в аду!)

Чтобы уйти от его глаз, я повернулась к столу и стала разливать чай по кружкам.

– А почему вы развелись? – я спиной почувствовала облегчение в его голосе.

– Не сошлись характерами (привет избитой формулировке). И я не хочу сейчас об этом говорить, – глядя строго на кружки, дрожащими руками, я поставила их на стол.

– Ладно. Не нужно. Как хочешь, – он потянулся за напитком, отпил и протянул мне руку, – иди ко мне...

Я села к нему на колени и с тоской посмотрела в окно.

Его голова уткнулась мне в грудь:

– Все замечательно. Мне все нравится в тебе. И то, что ты мама, это тоже очень хорошо.

Внезапно мне захотелось заплакать. От какой-то жалости к себе, от злости, от того, что я такая мерзкая предательница, лгунья, и от того, что у меня все так по-дурацки склады-

вается в жизни.

Дима явно неправильно понял мой расстроенный вид и начал осыпать поцелуями, – ну тихо, тихо, – это были даже не поцелуи, а невесомые касания губ. Потом они стали увереннее, острее, настойчивее. И мои грустные мысли стали понемногу затягиваться пеленой открытых желаний, чтобы если не окончательно, то на какое-то время исчезнуть, обнажив только то, что находится здесь и сейчас.

11.

Прошло десять дней с нашего знакомства, которые мы почти ежедневно с того самого вечера проводили вместе. Сегодня утром я собрала на столе все, что у меня скопилось по учебе, и констатировала факт – я ничего не успеваю. У меня было еще так много работы, что только чудо могло мне помочь уложиться в срок.

Дима обещал перезвонить после обеда и я, конечно, была рада этому, но теперь призадумалась. Если дальше так пойдет, то я и в этом году не защищу диплом. Остро сейчас стояла одна задача – доделать курсовую. Потому как дата ее представления была назначена уже на завтра. Этот факт подействовал на меня отрезвляюще, и я взялась за работу.

Необходимо было написать еще половину – примерно пятьдесят листов, поэтому я обложила себя книгами и попросила Катю не выпускать меня из квартиры, пока я не доделаю. Под страхом смерти. Часа через два я посчитала объем – у меня получилось осилить около пятнадцати страниц.

Это был неплохой результат, и я решила поощрить себя чашкой чая.

Еще через два часа я положила голову на стол, свесив бессильно руки вниз и уставившись в окно. У меня болели спина, голова, пальцы и запястья. И поток мыслей тоже окончательно забуксовал. Я постучала ложкой по стенкам кружки с остывшим чаем и простонала:

– Я не успеваюююю...

Потом я прошлась по комнате, выгнув назад плечи, пошла на кухню, добавила кипятка в кружку, вернулась в комнату, прилегла на кровать, вытянула вверх руки, потрясла кистями, подняла и подержала на весу ноги, встала, подошла к столу и взяла в руки план курсовой.

– Соберись, тряпка, раскисла совсем, – Ободрив себя еще парой-тройкой нелестных отзывов, я подвинула к себе учебник и положила перед собой несколько чистых плотных листов. Необходимо было нарисовать несколько эскизов деталей одежды в разрезе, а перед этим оформить чертежные рамки по стандарту. Если рисовать мне нравилось – это было все-таки свободное творчество, то чертить все эти прямые и наклонные линии определенных размеров терпеть не могла.

В прихожей зазвонил телефон.

– Катя, если это Дима, то меня нет! – я всячески старалась избежать соблазна опять куда-нибудь с ним сбежать.

– Он сам тогда придет, ты же знаешь – Катя остановилась

на пороге комнаты, вопросительно подняв брови.

– Ладно, – я подошла к телефону и подняла трубку.

– Алло!

Это действительно был Дима. И он звал меня к себе домой.

– А как же мама? – мне стало любопытно, я не была у него дома, но как я знала, он жил не один.

– Она на даче. Ну и даже если бы она осталась... Я хочу, чтобы ты пришла. Пожалуйста.

– Дим, у меня курсач, если сегодня не доделаю, то завалю и диплом тоже. А сдавать завтра. Давай, в другой раз?

Я прислушалась, пытаясь представить себе его выражение лица сейчас.

– Я помогу тебе. С курсовой. Я же тоже учусь, – его не так просто было остановить.

Я снисходительно засмеялась:

– Ну чем ты мне можешь помочь?

– Давай так. Я сейчас приду, ты мне покажешь, и я решу, смогу ли что-то сделать, Окей?

– Ладно, давай.

Дима явно не мог ничем мне помочь, но увидеть его, даже на несколько минут, мне хотелось, и я согласилась.

Буквально через полчаса он оказался у нас дома.

Открыв дверь, я в очередной раз поразила глубокой синеве его глаз – теперь они были ярче, чем раньше – видимо загар, который постепенно набирал обороты под лучами

солнца, подчеркивал этот неповторимый цвет.

Взяв себя в руки, я отступила назад, пропуская его в квартиру.

– Что у тебя? Давай я посмотрю, – Дима взял план курсовой, критически посмотрел на то, что у меня уже было готово и, повернувшись ко мне, сказал:

– Я могу сделать тебе все эти рамки, ты нарисуешь, и мы вместе сможем поработать над текстом, идет? Здесь нет ничего сложного.

Он подошел ближе ко мне и, заглянув в глаза, поцеловал в лоб:

– Идем ко мне?

Вся моя решимость растаяла на глазах. Когда я уходила, спешно засунув бумаги в сумку-пакет, Катя укоризненно проводила меня взглядом. Я была, на ее взгляд, безнадежна.

Поминутно беря меня за руку и говоря ободряющие слова, Дима всю дорогу до его дома рассказывал мне, что проблем совсем никаких нет, что у нас все получится, и он мне поможет.

Когда на его дома оставалось шагов десять, Дима, опередив меня на полшага, развернул меня к себе и проговорил:– Мне небезразлично все это. Я хочу, чтобы ты гордилась собой. У нас все получится.

Вряд ли я думала в этот момент о своем дальнейшем будущем. Мне просто нравилось, то, что в данный момент он разделял со мной ответственность за то, что было, как он ду-

мал, для меня важно. И я была благодарна ему за это.

Дима открыл дверь, и я впервые оказалась у него дома.

Абсолютно простая обстановка, так, как это было, наверное, у большинства семей того времени. Классическая стенка во всю стену в гостиной, Напротив – выдавший виды диван и дальше по коридору – две комнаты. Одна из них – спальня матери, другая – Димины. В ней господствовала почти спартанская обстановка – кровать, письменный стол, стул и шкаф. Почти, как у меня в том месте, где я сейчас жила. За исключением одного. На стене у него еще висели плакаты любимых музыкантов – я от своих фанатских предпочтений уже давным-давно избавилась, а Дима, видимо, просто не обращал на это внимание. Что действительно отличало его квартиру от всех мне знакомых, это то, что в гостиной у него располагался большой чертежный стол прямо у окна и в так называемой стенке, вместо вездесущих сервизов, располагалась хорошая, дорогая музыкальная система. В кругу его интересов особое место занимала музыка, поэтому я не удивилась такому предпочтению.

– Проходи, чувствуй себя, как дома, – на его лице читалась обеспокоенность тем, все ли мне у него нравится. Чувствую ли я себя комфортно.

– Вот там ванная – он указал на дверь прямо по коридору, – если нужно будет.

– У тебя замечательно. Все хорошо, – я послала ему ободряющий взгляд и взяла его за руку.

В прихожей ничто не напоминало о том, что здесь живет еще кто-либо, кроме него. Единственное, что выдавало наличие еще жильцов – два легких шарфа, свернутых треугольниками и лежащих на верхней полке в прихожей, а также пара женской обуви, стоящей в открытой обувнице.

Дима отправился на кухню и уже оттуда позвал меня:

– Будешь есть? Есть овощи, осталось картошку пожарить. Поможешь?

В этот момент я почувствовала себя неловко – кулинария не была моим сильным звеном. Но, чтобы не разочаровывать его, я отозвалась:

– Да, конечно. Но... Мне же доделать надо.

– Это быстро. Перекусим и начнем.

Я согласно кивнула и присоединилась к чистке картошки.

Это было так... Мило. Я не могу сказать, что было что-то особенное в таком простом действе, но мне впервые понравилось то, что я делала. Вместе с ним. Мы делали банальные, совершенно простые вещи, но вместе. И именно его присутствие, то, что он находился рядом, то, что я видела его руки, умело орудующие ножом, его внимательный взгляд, который переходил с того, что было у него в руках, на меня, на мое лицо, на мои пальцы, все это, перемежаемое поцелуями, шутками, анекдотами, все эти простые вещи, но рядом с НИМ, наполняли мое сердце радостью. Я понимала, что рядом с ним могла смеяться просто так, по поводу и без повода, но это было так замечательно, так чувственно, что я

хотела, чтобы это продолжалось как можно дольше.

Именно он научил меня, что картошку нужно солить только в самом конце, когда ее жарить, что переворачивать ее нужно не больше четырех раз за все время, потому что именно тогда она будет самой вкусной, поджаристой и хрустящей. Вроде бы такие простые вещи, но... Я впервые ХОТЕЛА научиться этому. Просто готовить так, чтобы это нравилось ЕМУ.

Позже он включил музыку – она мгновенно окутала нас со всех сторон, усадил меня за стол, а сам разложил мои пустые листы на чертежном столе и, что-то без конца подпевая, начал чертить. Мои рамки. Мои нелюбимые рамки для эскизов.

Было около трех часов ночи, когда я, оставив свои, уже готовые эскизы, вернулась к тексту курсовой.

Мы завалились на диван, прихватив с собой учебники и перебивая друг друга, стали пытаться выделить главное из прочитанного. И все ради моего курсового. Дима довольно быстро понял то, что мне было нужно, и с видом знатока уже вполне авторитетно делал выводы, не забывая напоминать мне о том, чтобы я записывала. Мы делали какие-то пометки, смеялись, кидая друг в друга ручки и листы бумаги, дрались за эти несчастные учебники, перетягивая, и чуть не разорвав несколько из них пополам. В конце – концов, совместными усилиями у нас получилось создать нечто почти вменяемое. Почти то, что можно было предъявить всем

этим моим строгим педагогам.

В шесть часов утра я окончательно сдалась, рухнув на диван и натянув покрывало под подбородок. Дима лег рядом, поправив и ласково укутав мне ноги. Спать мне оставалось примерно два часа.

Я никогда еще не видела такого восхода. Возможно, я видела рассвет тысячу раз, но такого у меня точно никогда не было. Розовый, нежно-розовый цвет сначала окрасил занавески, потом перешел на чертежный стол, потом окрасил лицо Димы, затем его плечо, его руку, бедро и осветил всю комнату совершенно невероятной фиолетовой дымкой. Музыка, мелодичная, спокойная, которая продолжала всю ночь литься из динамиков делала всю обстановку совершенно фантастической, как будто именно сейчас Клод Моне смешал свою палитру, чтобы запечатлеть тот самый восход, который сделал его в конечном итоге знаменитым и положил начало новому направлению – импрессионизму.

Я смотрела на спящего Диму и думала только об одном.

Я никогда не скажу ему про Марка. Никогда. Так получилось, я так сама захотела. Мое приключение, мой роман, чтобы понять, как это бывает у других. Как это было бы у меня. Три, два, один год назад. У меня не было своей весны. Моей соловьиной песни. Машина времени сделала для меня крюк, петлю, чтобы дать мне шанс почувствовать это.

12.

– Завтра я хотел бы познакомить тебя с мамой и сестрой, –

Дима посмотрел на меня и, увидев мое смущение, добавил, – я рассказал о тебе и они хотят познакомиться. Хорошо?

Мы только что вышли от его одноклассника, у которого он брал чертежи для уже своей курсовой. Тубус был довольно большим, поэтому он постоянно перекладывал его из одной руки в другую, то справа, то слева обходя меня – мы пробирались к троллейбусу и он пытался соблюсти баланс – быть рядом, в тоже время обходя спешащих, туда же куда и мы, людей.

Каждый день мы теперь проводили вместе – гуляли, готовились к экзаменам, встречаясь с друзьями, обедая, иногда ужиная вместе. Мы стали практически неразлучны – учеба, еда, секс, прогулки. Нам тяжело было расставаться даже не несколько часов. Ничего удивительного, что его мама стала интересоваться мною.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.